

5

Из блокнота
РЕЦЕНЗЕНТА

НОТЫ
ВРЕМЕНИ

НИКИТА ДОЛГУШИН — в недавнем прошлом премьер Новосибирского театра оперы и балета (самыми крупными его работами там были партии Ферхада в «Легенде о любви» Меликова-Григоревича и Ромео в балете Прокофьева, осуществленном Виноградовым), а теперь солист хореографического концертного ансамбля СССР — выступил в спектакле Боль-

шого театра «Жизель» в партии Альберта. Танцовщик современного плана, Долгушин внес в старый романтический балет ноты времени, но его игра лишена вульгарного осовременивания. Форму и стиль романтической «Жизели» он не разрушает — его поиски новых черт характера в образе Альберта, его стремление психологически осмыслить поступки своего героя органичны, артист находит новое «внутри спектакля», в его стиле и эстетических принципах.

Альберт, как и другие герои балета, никогда не мог соревноваться по своей значимости с героиней спектакля: Жизель всегда была его центром, его солнцем, все остальные действующие лица лишь отражали его лучи. В исполнении же Долгушина Альберт тоже стал героем спектакля, значительным и сложным.

В первом акте эта партия почти вся пантомимная, но артист своей редкой пластической выразительностью «стирает» грани между танцем и пантомимой, он осторожно

насыщает партию танцевальными движениями, «преобразуя» простые пробеги, переходы в пластическую кантилену, лишая образ бытовых подробностей. Мимика его, сдержанно-подчеркнутая, но особенно удивительны руки, гибкие, необыкновенно экспрессивные — каждый жест продуман и красив.

Второй акт для Альберта — Долгушина, так же, как и для Жизели, становится кульминацией. Ему нужно понять, что произошло, почувствовать себя человеком, сделать выбор между двумя пониманиями жизни.

После своей вариации Альберт — Долгушин не падает, как обычно делают другие исполнители, распластанный на сцену, а поднимается. Пляска с виллисами становится для него испытанием души, обретением полета, а встреча с Жизелью — победой радости жизни, ее осознанием. И он не цепляется судорожно за ускользающий призрак возлюбленной, а остается жить. Долгушин — Альберт в финале поднимается и идет мед-

ленно, но твердо: он сделал выбор. И его танец во втором действии «сказал» нам об этом — его поразительный большой прыжок, мягкие, едва уловимые плис, виртуозная техника заносок, в которых, словно в силках, билось что-то невысказанное и тревожное. Современное осмысление романтической коллизии сделало выступление Никиты Долгушина в «Жизели» интересным.

А. ДЕМИДОВ.